

ЕКАТЕРИНА БЕРЕСЛАВЦЕВА
Повесть

**ГДЕ ТЫ
ВСТРЕЧАЕШЬ
РАССВЕТА?**

16+

Екатерина Береславцева

Где ты встречаешь рассветы?

«Автор»

2018

Береславцева Е.

Где ты встречаешь рассветы? / Е. Береславцева — «Автор», 2018

Отправляясь в командировку, Василиса Яхонтова и не подозревала, что её поездка в провинциальный Арбузов превратится в квест по разгадыванию фамильных тайн. А ведь начиналось всё так романтично – лето, уютный речной пляж и очаровательная скульптура возле моста, как две капли воды похожая на звезду столичных подиумов Яхонтову... Казалось бы, что может быть проще – напроситься в гости к создателю бронзового изваяния и поинтересоваться у него личностью натурщицы. Но крошечный городок и таинственный скульптор прячут свои секреты под надёжными замками. И прежде чем подобрать к ним ключик, Василисе придётся хорошенько поплутать в коридорах психиатрической лечебницы, окунуться в неизвестную историю собственной семьи и обрести настоящую любовь там, где уже давно искать надоело.

© Береславцева Е., 2018

© Автор, 2018

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	12
Глава 4	14
Глава 5	23
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Екатерина Береславцева

Где ты встречаешь рассветы?

Глава 1

– Самое замечательное и правильное, что я сделала в этом году, – лениво думала она, раскинув руки в сторону и зажмурившись, – это то, что приехала сюда. Вот уж воистину, не знаешь, где найдёшь, а где потеряешь...

Вечернее солнце ласкало прелестное светлое лицо, касаясь тёплыми лучами гладкого лба и закрытых глаз, спускалось по округлым скулам к чуть подрагивающим губам и маленькому твёрдому подбородку. Порывистый ветерок-забавник путал густые кучерявые волосы цвета патоки, волнами льющиеся ей за спину.

– Оу! Это есть чудесно!

Громкий мужской голос, приправленный чужестранными интонациями, вывел её из неги. Она нехотя разжала ресницы.

– Это есть чудесно! – восторженно повторил обладатель акцента и длинных сиреневых шорт, уморительно смотрящихся на человеке столь почтенного возраста. «Лет семьдесят, не меньше», – отметила она про себя. Водянистые глаза незнакомца с восхищённым удивлением перебежали то на неё, то на фигуру, темнеющую рядом с ней.

Она пожала плечами, не совсем понимая, чем вызван такая эмоциональная реакция. Впрочем, эти иностранцы вообще странные ребята...

– Galatea¹? – старик ей подмигнул.

– Простите? – не поняла она.

– Living statue²? Оу, как это есть русский... Живой... статуя...

– А! – взгляд её скользнул вправо. – Ожившая статуя! Боюсь, эта история не про меня...

– Сорри? Как то есть? She and you³...

– Простите... – Она подтянула к себе сумочку с намерением встать. – Вы, наверное, сфотографировать её хотите? Я уже ухожу.

– No, нет! – Он остановил её движением уверенным жестом и потряс массивным фотоаппаратом, обязательным атрибутом человека в таком одеянии. – Both!

– Бос? – переспросила она непонимающе. Что поделать, если ещё в школе её выбор пал на французский язык, который, кстати, серьёзно потом пригодился в жизни. – Извините, я не понимаю по-английски...

– Оба! Ты and she! Ты и он.

– Она...

Она опять бросила взгляд на неподвижную фигуру справа.

– Она! – радостно согласился странный старик. – Я делать фото... ты и она! For memory⁴.

– Что вы, зачем!

– For memory! – твёрдо повторил иностранец, решительно отходя от неё на несколько шагов назад и вскидывая фотоаппарат.

– Окей, мемори так мемори, – вздохнула она, смирившись. И пробормотала совсем тихо: – Весь настрой сбил, варвар...

¹ Галатей (англ.).

² Живая статуя (англ.).

³ Она и вы (англ.).

⁴ На память (англ.).

Но слух иностранца оказался так же силён, как и его настойчивость.

– Оу, Варвара! So beautiful name⁵! My grandma... бабушка... есть Барбара too⁶!

Её щёки окрасились румянцем неловкости. Переубедить незнакомца она, конечно, не стала, только напряжённо пожала плечами и повернула голову вбок, к той, что сидела рядом.

«Хорошо тебе, – подумала она. – Сидишь себе, молчишь, и никто от тебя ничего не требует...»

Старик между тем перебежал с места на место, меняя ракурс, и щёлкал своей автоматикой не переставая.

У неё затекла шея и вконец испортилось настроение.

«Действительно, варвар. Пришёл, увидел и... разрушил. Такое состояние было зачётное, как сказала бы Глашка, и тыфу, ничего от него не осталось. Варвар-разрушитель. Хотя нет, там был, кажется, Конан... Впрочем, всё равно не смотрела, это Севка у нас спец по таким фильмам. Севка, кстати, не стал бы такую наглость терпеть, отшил бы назойливого типа в два счёта. У него и с английским полный ажур...»

Задумавшись, она не обратила внимания, что незнакомец уже некоторое время чего-то от неё добивается, эмоционально размахивая фотоаппаратом.

– Что? – наконец, пришла в себя она.

– Mail! I'll send your photos⁷!

– Фото? – переспросила она.

– Yes, yes! Your photos! Твой фото... дать... email... post... Почта!

– А, электронный ящик? – дошло до неё. – Чтобы фотки отправить?

– Да, да! Отправить!

– Да зачем! Не надо мне ничего отправлять!

– Отправить! – безапелляционным тоном произнёс иностранец. – Так надо!

– Боже, – вздохнула она. – Кому надо, зачем... Мне-то уж точно ни к чему. Ну, хорошо, хорошо...

Она нехотя чиркнула адрес на листке; настойчивый старик, тут же проделав какие-то манипуляции со своим огромным смартфоном, расплылся в довольной улыбке, и спустя несколько секунд она услышала знакомый писк из своей сумочки.

– О, уже пришло... – удивилась она.

– Да, да! Пришло! Good luck, my beautiful Galatea⁸!

Докучливый тип наконец оставил её в покое, и она какое-то время наблюдала, как он размашисто и энергично удаляется от неё по мосту, время от времени останавливаясь и вскидывая блестящий аппарат к глазам. Один раз он обернулся и радостно помахал ей рукой, на что она вяло взмахнула своей.

– Адью, месье... Надеюсь, больше мы никогда не встретимся...

Она добралась до гостиницы, когда на улицах уже всюсю сияли ночные фонари. Ноги гудели, желудок сводило от голода, а глаза слипались, отказываясь реагировать на окружающий мир.

Достав из маленького холодильника всё своё богатство – ледяную минералку, сыр с колбасой и пакет с соком, – она разлеглась на диване, удобно устроив ноги на подлокотнике. Хорошо!

⁵ Какое красивое имя! (англ.).

⁶ Тоже (англ.).

⁷ Почта! Я пришлю вам фотографии! (англ.).

⁸ Удачи тебе, моя прекрасная Галатея (англ.).

По экрану телевизора, подёрнутые рябью, бегали какие-то фигуры. Звук с пульта не включался, а встать было лень.

Когда позвонила Глафира, она доедала уже третий бутерброд и нацеливалась на четвёртый.

– Рожа твоя бессовестная, и не стыдно тебе? – в Глашкином голосе звучала обида.

– Здравствуй, сестрёнка, я тоже рада тебя слышать.

– Первый раз, значит? А я, кретинка, поверила...

– Ты о чём, Глаш? – она замерла с куском колбасы во рту.

– А то ты не понимаешь! Поздравляю вас, гражданка, соврамши! И главное, я ж ничего не заподозрила, тетеря наивная! Теперь вот уши отмываю...

– От чего? – не поняла она.

– От лапши, которую мне повешали! И кто! Человек, которому я готова была отдать самое дорогое, что у меня есть!

– Серьёзно? Так значит, я могу рассчитывать на ту брошку, которую ты из Риги привезла?

– Дура! Ты зачем мне соврала, что никогда в своём Арбузове не была?

– Я? – она быстро проглотила колбасу и поморщилась. – Не была. Честное слово! И он вовсе не мой! Хотя городок милый, не спорю...

– Как же, не была! Факты на лицо, как говорится!

– Какие... факты?

– Фотографии!

– Фотографии? – удивилась она. – Которые я тебе отправила? И что в них такого, из чего ты сделала вывод, что я тут уже бывала? А, поняла! Ты где-то на заборе увидела надпись: здесь был Вася?

– Очень смешно, Васька! – голос Глаши понизился. – Колись, откуда ты его знаешь?

– Кого?!

– Скульптора этого!

– Какого ещё скульптора, балда? – у неё отчего-то нервно заколотилось сердечко.

– Такого! Который с тебя статую слепил! Девушка, освещённая солнцем, или как там она называется...

– Уставшая путница... – Она почувствовала, как лёгкий холодок прошёлся по её затылку. – С чего ты взяла, что она на меня похожа?

– Думаешь, я слепая? И вообще, ты забыла, что я у нас художник?

– Как художник, ты тем более должна была заметить, что никакого сходства между мной и той мраморной девицей нет!

– А она разве мраморная? – с сомнением протянула Глафира.

– Мраморная, чугунная, резиновая – откуда я знаю?! Я знаю только одно: к этой девчонке я не имею никакого отношения, как бы вы меня ни уверяли в обратном!

– А что, кто-то ещё тебя уверял?

– Да этот, фотограф в розовых шортах! Тоже головой крутил и восхищённо присвистывал!

– Я не кручу и не присвистываю, но точно тебе говорю, Васька: ты и она как две капли воды!

– Заливаешь!

– Говорю же, точно!

– Перезвоню через пять минут!

Она нажала на кнопку отбоя и принялась лихорадочно перелистывать картинки в телефоне. Сегодняшний день оказался плодовит на фотовпечатления. Прежде чем она нашла нужное, её взгляд наткнулся то на причудливое отражение в воде одной из башен крепостной

стены, то на улыбку хозяйки маленького магазинчика сувениров, то на закатное солнце, запутавшееся в куполах.

Сидящая на парапете над рекой молчаливая девушка, которую она сфотографировала ещё до появления настырного старика, промелькнула так быстро, что пальцы не успели сориентироваться. Пришлось возвращаться назад.

Ну да, вот она, та девица, во всей красе. Поза утомлённой от ходьбы странницы, которая присела отдохнуть. Длинные волнистые волосы, застывшая кудряшка на лбу, взгляд, обращённый к небу и в себя. Трогательные босые ноги девушки и пристроенные ею – точнее скульптором – туфли рядом.

Она вглядывалась в миловидное лицо, то увеличивая фотографию, то отодвигая. Если рассматривать каждую деталь отдельно, то вовсе никакого сходства не найти. Нос у неё не такой широкий, как у этой девчонки, да и щёки, пожалуй, покруглее будут. Но в целом... Признаться, что-то неуловимо общее есть. Наклон головы, быть может? Или выражение лица?

На фотографиях, сделанных иностранцем, схожесть угадывалась яснее. Почему она сразу этого не заметила?

– Возможно, просто свет так падает, – растерянно пробормотала она, не желая верить странному совпадению. – Или ещё какая шалость мироздания...

Услышав вновь в трубке голос сестры, она ещё какое-то время молчала, собираясь с мыслями.

– Убедилась? – в Глашином голосе слышалось торжество.

– Это ещё ни о чём не говорит! Мало ли, кто на кого похож! Помнишь, мы как-то встретили Севкиного двойника...

– Который в итоге оказался его родственником? – ядовито протянула Глафира. – Нет, подруга, в такие совпадения я не верю! Что-то тут нечисто, нюхом чую! То ли ты мне чего-то не договариваешь...

– Да честное слово, Глашка, я никогда раньше в Арбузове не была! Хочешь, поклянусь самым дорогим, что у тебя есть?

– Васька! – голос Глаши понизился. – Я готова даже отдать тебе эту брошь, лишь бы только узнать правду!

– Серьёзно, что ли? – недоверчиво протянула она.

– Ага.

– Это сильный довод... чтобы провести расследование.

– Вот и проведи! В конце концов, кто у нас мастер искать истину?

– Если ты имеешь в виду, что истина в вине, то таки да, я мастер!

– Дурёха! Помнишь, как ты Севкины ключи нашла? А платок мой, который я из Индии тащила, помнишь?

– Жаль, что восстановить его не удалось, да, Глаш? И как он вообще в будке у Боньки оказался...

– Тяга к прекрасному, сестрёнка, свойственна даже собакам! Ладно, возвращаюсь к своим шедеврам, а ты помни, что мне пообещала!

– Вообще-то я ничего не обещала... – пробормотала она.

– Завтра позвоню! Спокойной ночи, Васька!

– Да уж, спокойной...

Она нажала отбой, но долго ещё сидела с прижатой к груди трубкой. На экране телевизора прочно и надолго обосновались фигуры каких-то деятелей, видимо политиков, – они отчаянно жестикулировали, пытаясь уверить друг друга и себя в собственной правоте и непогрешимости.

– Надо спать, – вслух сказала она и решительно обесточила телевизор. – Завтра. Я подумаю обо всём завтра.

Спустя несколько минут она крепко спала, положив левую ладошку под щеку. За окном тусклым светом улыбалась луна.

Глава 2

О том, что место под солнцем так просто не завоёвывается, маленькая Василиса узнала в детстве. Её воспитывала улица – молодым родителям самим нужна была нянька. Когда девочке исполнилось два года и походка её стала уверенной, а взгляд разумным, студентка третьего курса института искусств Ксения Яхонтова решила, что полностью отдала свой долг как мать, и занялась собственной жизнью. Муж в её планах если и присутствовал, то недолго – Ксюша, как человек творческий, не обременяла себя постоянством. Они продолжали жить под одной крышей, но заключили пакт о непосягаемости на жизнь и свободу друг друга. Ребёнок тоже входил в этот круг, поэтому самое твёрдое, что могли позволить себе сожители, была фраза: «Васька, достала, иди спать!».

Бабушек-дедушек у Василисы не имелось – мать с отцом воспитывались в детском доме, и иногда ей казалось (когда она повзрослела, конечно), что её детство не так уж разительно отличалось от родительского.

Улица давала девочке всё, чего она была лишена в семье: друзей, партнёров по играм, любовь и ненависть. Мир маленькой Василисы вмещал в себя всю вселенную, лишь только самые главные её родственники равнодушно взирали на неё с чужой и очень далёкой планеты. Они не стали ближе и с течением лет. Отцу захотелось уверенности в жизни, когда Василисе минул десятый год. Свою судьбу он решил устраивать в другом доме, чего Ксюша, кажется, даже не очень заметила. Их развели быстро, без взаимных претензий. Самой главной претензией пылала лишь Василиса, но её мнения никто не спрашивал. Впрочем, дальнейшая жизнь показала, что развод принёс в их квартиру обнадеживающие изменения. Лишившись мужа, Ксения обрела друзей, которые стайками слетались к её очагу, а некоторые даже оставались на ночь. В одной из этих стаяк Василиса обнаружила близкую душу для девичьих разговоров и товарища для своих игр. Глафира – так звали девочку, дочку маминой приятельницы, которая однажды переступила порог их квартиры. Высокая, беленькая, словно светящаяся изнутри, девочка казалась ангелом, случайно спустившимся в малогабаритную «двушку», и сначала Василиса только молча, открыв рот, наблюдала за этим существом, не отходя от неё ни на шаг. Глаша потом со смехом вспоминала молчаливое восхищение, которым было окутано её появление в этом доме. Сама она себе, конечно, никаким ангелом не казалась. Напротив, в те подростковые годы чувствовала себя неуклюжим заморышем и потому старалась забиться куда-нибудь в уголок, стать неслышимой и невидимой. То, что маленькая хозяйка квартиры приняла за небесную отстранённость, оказалось всего лишь смущением, возведённым в тройную степень.

Наверное, они бы так никогда и не разглядели друг друга, если бы не случай. Приятельствовал в то время с матерью один мужичок, с вечно брезгливым выражением лица и бородавкой на подбородке. Гений – представляла его Ксюша новым гостям. Возможно, так оно и было на самом деле, но Василиса, впитавшая в себя уроки психологии на улицах, ясно видела, что душа-то у гения мелковата. Да и бородавки просто так на лице не вырастают. Так вот, остался однажды противный тип у них на ночь. Нет, он имел привычку проводить тёмное время суток в спальне её матери довольно часто, но этот раз был особенным – Глашиной маме и, соответственно, её светлой дочурке тоже некуда было деться в ту ночь, и вся компания, бурно отпраздновав за столом очередной шедевр гения, завалилась спать кто где. Мамаш прибило портвейном на кухне, девочкам досталась спальня Ксении, а бородавчатый гость вольготно разлёгся на диване в гостиной. Василиса долго не могла уснуть, боясь даже шорохом смутить девочку-ангела, которая заснула сразу же, лишь белокурая головка коснулась подушки. Поэтому скрип открываемой двери прогреготал для бдящей девочки громом с небес. Когда на пороге появилась обрюзгая фигура гения, Василиса сперва решила, что он перепутал двери – вход в туалет

был рядом со спальней. Но гость напрямик направился к кровати, на которой в это время спокойно сопела Глаша. Василиса со своей раскладушки с тревогой, затаив дыхание, наблюдала за непрошеным визитёром, отчего-то медля его окликнуть. Ей казалось, что её голос уж точно разбудит маленького ангела, а мужчина же сам, убедившись, что её матери здесь нет, уберётся восвояси. Но он повёл себя странно. Высокая луна освещала светлые волосы девочки, которые уж никак нельзя было спутать с агатовой шевелюрой Ксюши. Гений, замерев на секунду над девочкой, вдруг осторожно провёл по нежной щеке ладонью, а затем резко откинул пуховое одеяльце. Слова застряли у Василисы в горле, когда она увидела алчный мужской взгляд, направленный на беззащитное тельце тринадцатилетней Глаши.

Всё произошло в одно мгновение. Девочка-ангел открыла глаза, толстая рука гения полезла к груди жертвы, а Василиса разъярённой тигрицей слетела с раскладушки. Боевой клич разнёсся по всей квартире, вспугнув двух безалаберных мамаш. Когда они, ничего не соображающие спросонья, показались в дверях спальни, их изумлённым взглядам представилась живописная картина, достойная кисти Босха: Василиса сидела на плечах у гения и била того подушкой по голове, а тихая Глаша с остервенением вгрызалась зубами в волосатую руку врага. Гений приплясывал на месте, вопя тоненьким голоском, совсем не сочетающимся с его дородным телом.

– Что тут происходит? – в один голос воскликнули родительницы.

В ответ они слышали такой отборный мат, исходящий от всадницы, что застыли на месте. Добило же их продолжение, выплюнутое девочкой-ангелом, на секунду разжавшей зубы. Витиеватое, высказанное с чувством ругательство оказалось неожиданным и для Василисы, которая даже остановила следующий свой удар, наслаждаясь услышанным.

– Уберите от меня этих шлюх! – завопил гений, когда острые зубки Глаши вновь вцепились ему в руку.

– Что?? – праведный гнев протрезвевших матерей наконец-то воззвал их к действию.

В секунду поле боя было расчищено, дочки залиты покаянными материнскими слезами, а уничтоженный враг спущен с лестницы.

Эта ночь положила начало дружбе между девочками и, что не менее важно, потрясла до глубины существа Ксению. Что-то вспыхнуло вдруг внутри неё, осветив самые дальние уголки, в которых, на удивление их хозяйки, были обнаружены нежность, сострадание и родительская любовь.

Поразительные изменения в Ксюше преобразили вселенную её дочери – пацанка и оторва Васька превратилась в Василису, волшебную девочку из сказки с чистым взглядом и прилежными манерами. Даже цвет волос, кажется, у неё изменился, став мягче и светлее, подпитанный медовой сладостью.

Жизнь потекла полноводной рекой, в которой больше не было места для равнодушия, обид и озлобления. Глафира стала привычным гостем в «двушке», а вскоре переехала туда совсем, лишившись в одночасье матери. Ксении удалось выстоять перед чередой обстоятельств, которые стояли на пути к удочерению, и вот Глаша, уже в новом качестве, порхала по пространствам своего нового жилья. Приёмной матери хватило накопленной нежности на обеих дочерей. Вскоре «двушка», подкреплённая ещё одной жилплощадью, превратилась в прекрасную четырёхкомнатную квартиру, в которой оказалось место как для всей троицы, так и для художественной мастерской, пристанищем опытной художницы Ксении и подрастающего дизайнера Глафиры...

Глава 3

Утро выдалось прохладным, и у меня, совсем к этому обстоятельству неподготовленной, зуб на зуб не попадал. Надо было с собой куртку взять или джемпер, на крайний случай. Хорошо хоть косынку захватила...

Я поплотнее обвязала шею шёлковой тканью, застегнула верхнюю пуговичку рубашки и припустила по дорожке, активно размахивая руками. Чёрт меня дёрнул вскочить в такую рань! Город ещё спал, окутанный догорающими снами.

Где-то вдалеке за деревьями блеснуло что-то, и послышался женский голос. Ну вот, ещё одна сумасшедшая. Или две, с кем-то же она разговаривает?

– ...нет, милый мой, я сразу поняла, что она тебе не пара. Легкомысленная, взбалмошная, а нос задирает, как будто особа королевских кровей!

В ответ женскому голосу вторил второй, ворчливый, но что он отвечал, разобрать было невозможно. Сын, наверное, решила я.

– Но ты не переживай, мой мальчик, мамочка знает, кто тебе нужен, мамочка обо всём позаботится!

Точно, сын. За деревом мелькнула полная женская фигура, одетая во что-то красное, а её собеседник пока оставался скрыт от моих глаз. Вот алое пятно замерло, остановилось. Сверху послышался птичий крик, и небольшая стайка, будто вспугнутая чем-то, с шумом покинула пышную крону и растворилась в небе.

– Да идём же, хватит ворон считать! – в женском голосе послышалось недовольство, и красная фигура продолжила движение, теперь в мою сторону. Бедняга-сын не спешил следовать за своей мамашей, оставаясь где-то за деревьями.

Я сближалась с ними, уже настроенная против властной женщины. Свобода – одна из главных составляющих жизни, на мой взгляд. Меня возмущают люди, девиз которых: «Я лучше знаю, что тебе нужно для счастья!». Благими намерениями вымощена дорога в ад...

Вблизи женское лицо удивило меня своей утончённостью. Надо же, какой диссонанс между тоном и внешностью!

За несколько шагов до меня женщина просияла такой искренней и милой улыбкой, что невольно вызвала во мне ответную, не менее сердечную.

– Доброе утро!

– Доброе!

– Ещё одна ранняя пташка... Приезжая, наверное?

– Приезжая... – с удивлением отозвалась я. – А что, заметно?

– Мне – да! – её улыбка стала шире. – Я вообще замечательный человек, всё замечаю!

Она оглянулась назад, высматривая сына, который почему-то не спешил выходить на свет.

– Арнольд, мы вас заждались!

Арнольд, надо же... Немцы они, что ли? Невольно мысль моя обратилась ко вчерашнему иностранцу, и воспоминание это окрасило настроение нервозностью.

– А вы, наверное, тоже не местные? – выпалила я, стараясь не обращать на своё состояние внимания.

– Ну что вы! – рассмеялась женщина. – Самая что ни на есть местная. Коренная. Причём как по маминной, так и по отцовской линии.

– Тогда муж, наверное, немец? – осторожно поинтересовалась я, чувствуя неловкость от своей назойливости. – Ну, то есть отец сына...

– Сына? – её тонкие брови удивлённо выгнулись. – У меня нет сына.

– Простите... – смутилась я. – Мне показалось... Простите!

– О! – её лицо разгладилось. – Кажется, я поняла... Арнольд, живо ко мне, слышишь, негодник?

Я проследила за её взглядом и ахнула. Из-за куста, радостно крутя пушистым хвостом, выбегал огромный чёрный пёс. Его мощная холка лоснилась от утренней влаги, а весёлая мордаха вся была облеплена каким-то пухом.

– Боже, на кого ты похож! – со смехом воскликнула женщина, отбиваясь от собаки, которая тут же принялась ластиться к хозяйке. – Мальчишка! Вот так, выведи в свет этого оборота...

Хрипкое ворчание пса вполне можно было издали принять за мужской голос. Эх, Вася, Вася!

– Красавец какой! – искренне восхитилась я.

Моё замечание не осталось без ответа. Чёрное существо переключилось на меня, и мне стоило огромных усилий удержаться на ногах – Арнольд оказался настойчивым малым.

– Фу, Арчи! Уронишь гостью!

– Ничего... – я потрепала мохнатый загривок. – Хороший пёс, хороший! Прямо человек, а не пёс.

– Человек и есть, – женщина улыбнулась. – Такой умница, вы не представляете! Правда в любовных делах, как и многие мужчины, дурашка. Знаете, нам вчера для него невесту привели...

Пёс при этих словах неожиданно и очень громко тьякнул, даже с каким-то укором, как мне показалось.

– Вот-вот, я и говорю, – хозяйка рассмеялась. – Красотка, конечно, но характер оставляет желать лучшего. А зачем нам легкомысленное потомство, правильно?

– Не знаю, – улыбнулась я. – Я в таких делах не очень-то понимаю. Вот моя сестра...

– Собачница?

– Ещё какая! У нас на даче целая банда этих вот хулиганов, а ей всё мало.

– Вы, наверное, из Москвы?

– Да. Это тоже заметно? По акценту, наверное?

– Акцента, кстати, у вас особенного нет, я бы сразу услышала. Или вы из понаехавших, или профессия ваша связана со словом...

– Скорее первое, но точно не второе.

– А почему скорее? Вы в этом не уверены?

– Ну... – я пожала плечами. Не очень-то я любила на эту тему говорить. – Мои родители детдомовские...

– А-а-а... Простите, если я оказалась нетактична.

– Это вы меня простите! – я кивнула на пса.

Мы улыбнулись друг другу понимающе.

– Что ж, не буду вас больше задерживать! – женщина ухватила за ошейник. – Идём, Арчи. Хорошей вам прогулки!

– И вам!

Я смотрела им вслед, невольно любуясь статью своей недавней собеседницы. Было в её облике что-то такое, что внушало уважение и даже робость.

Спустя минуту побрела и я, но в противоположную сторону. Путь мой был не близок...

Глава 4

– Милостивый... – произнесла я вслух. – Вот так фамилия!

– Не ждите милости от природы, взять их у неё – наша задача!

Я резко обернулась, не ожидая услышать позади себя чей-то голос. Мне щербато улыбнулся мужичок весьма потрёпанного вида, в одежде явно с чужого плеча и кроссовках на босу ногу. Как ему удалось так бесшумно подкрасться – удивительно!

– Господин Милостивый и берёт, не сомневайтесь! – весело договорил он, подмигнув мне.

Я сделала шаг назад.

– Вы с ним знакомы? – поинтересовалась осторожно.

– Боже меня упаси! – замахал руками незнакомец. – Убереги нас, господь, от милости власти!

– Почему... власти? – не поняла я.

– Вот и мне тоже интересно, почему? Доколе нами будут править пресыщенные торгаши, которым дела нет до нужд народа? – в голосе мужичка появились плаксивые нотки.

Кажется, судьба столкнула меня с городским сумасшедшим. Как бы побыстрее прекратить разговор...

– Говорят, у него, – странный тип перешёл на шёпот, – по двору павлины гуляют! Представляете?

– А что тут такого? Пусть гуляют. Возможно, они его вдохновляют...

– Его? – хихикнул мужичок. – Ну вы, барышня, сказанули! Да он их разводит! А потом загоняет по спекулятивной цене!

– Наверное, одним творчеством не проживёшь... – разговор приобретал какие-то абсурдные нотки. – Занятия скульптурой – дело недешёвое, я думаю.

– Скульптура? А при чём тут скульптура?

– Вы правы, ни при чём, – быстро кивнула я. – Извините, я тороплюсь.

И, почти бегом, я направилась к мосту, злясь на себя – зачем вообще надо было вступать в разговор с этим туземцем? В случае чего, даже заступиться за меня некому, ни одного человека поблизости.

– Пойдите, барышня!

Услышав за собой шаги, я увеличила скорость. Но настырный мужик не отставал.

– Да стойте же, ненормальная!

Я резко остановилась, решив встретить опасность лицом к лицу.

– Кажется, ненормальный тут кто-то другой! – мой тон не сулил незнакомцу ничего хорошего.

– А мне кажется, что между нами возникло непонимание... – он осклабился.

– Да куда уж понятнее! – я сжала кулаки, решив без боя не сдаваться.

– Точно ненормальная! – он отступил назад, видимо испугавшись моего воинственного вида. – Москвичка, небось!

– Не ваше дело! Ну?

– Что – ну?

– Вы сами уйдёте или мне полицию позвать?

– Вот так, делай людям добро... – он, кажется, был скорее озадачен, чем испуган.

– Всего вам хорошего! – я резко развернулась и припустила подальше от незнакомца.

Его слова догнали меня, уже когда я дошла до середины моста.

– Милостивый – не скульптор!

Мне понадобилось несколько секунд, чтобы осмыслить эту новость. Оглянувшись, я увидела, что незнакомец топчется на том же месте, где я его оставила.

– А кто? – крикнула я.

– Дед Пихто!

Он пожал плечами и, направившись к статуе девушки, сел рядом с ней. Мне ничего не оставалось, как вернуться. Не доходя до живописной группки несколько метров, я остановилась. Мужичок, повторяя позу статуи, раскинул руки в стороны и прикрыл глаза. Лицо его выглядело довольным.

– Так кто этот ваш Милостивый?

– Владелец заводов, газет, пароходов!

– Так... Предприниматель, значит. – Я помолчала. – А скульптор тогда кто?

– А шут его знает! – не открывая глаз, промурлыкал вредный дядька.

– Но вот здесь же ясно написано... – я склонила голову к табличке. – Уставшая путница.

Бронза. Милостивый А.С.

– А ниже?

– Что – ниже?

– Ниже что написано?

– Ниже? Где? – я присела на корточки, отодвинула стебли травы с таблички и только тогда увидела ещё одно слово, очень маленькое, которое располагалось под фамилией. – Чёрт!

– Угу! – удовлетворённо пробормотал мужичок.

– Значит, Милостивый – это спонсор...

Я растерянно села с другой стороны статуи.

– Меценат, туды его за ногу!

– Я не понимаю... Почему фамилию скульптора сюда не вписали? Ведь автор гораздо важнее, чем тот, на чьи деньги это сделано!

– Господин Милостивый, видимо, думает иначе...

Мужичок открыл глаза и искоса взглянул на меня.

– А чего это ты так расстроилась?

– Мне этот скульптор нужен, понимаете? – пробормотала я, не смотря на собеседника.

– Не понимаю.

Я чувствовала боковым зрением, как изучающе он переводил взгляд с меня на лицо статуи и обратно. В его голове шёлкали шестерёнки.

– Вот, значит, как! – наконец, противным голосом протянул он.

– Вы о чём?

– Теперь всё понятно!

– Что вам понятно? – я неприязненно посмотрела на него.

– Всё! Сбежал, значит?

– Кто?

– Хахаль твой! Или сама выгнала, а теперь одумалась и искать примчалась. Скульптора этого...

– Вы ненормальный?

– Это вы там в своей Москве с ума посходили! – истерично взвизгнул он. – Мы их, понимаешь, поим, кормим, одеваем...

– Ты, что ли, кормишь и поишь? – разозлилась я. – Да ты сам себя прокормить не в состоянии, алкаш несчастный!

– На себя посмотри, дура! Нафуфырилась она с утра пораньше! Тут тебе не бордель, прости господи!

– Да как вы смеете!

Я вскочила, не помня себя от гнева, наглец тоже подскочил, сжав кулаки.

– Что, правда глаза колет?

– Вот гад!

Оскорблённая, я наделала бы много глупостей, если бы не телефонный звонок, вдруг прозвучавший в моей сумочке. Он отрезвил меня, словно душем холодным окатив. Что я делаю, с кем спорю, зачем?

Я рывком вытащила телефон и сделала несколько шагов назад, стараясь держать неприятного типа в поле зрения.

– Да! – рявкнула в трубку, даже не взглянув на номер.

– Алиска, что у тебя с голосом?

– Ой, Севка, это ты! – я выдохнула. – Слава богу!

– Что у тебя там стряслось? – в голосе моего друга сквозило беспокойство.

– Ничего такого, Севочка. Так, поговорила с одним типом... Ерунда!

– Надеюсь, не с Бабочкиным?

– Нет, твоему Бабочкину я ещё не звонила.

– А чем же ты там занимаешься тогда? Я думал, вы вчера уже всё между собой перетёрли...

– Вчера я гуляла, Сев. Городок, знаешь, симпатичный очень. Аборигены только... не очень...

– Тебя там обижают? Так, сегодня же прилечу! Говорил же, надо было нам вдвоём ехать!

– Никуда приезжать не надо, я сама разберусь!

Или тон моего голоса не понравился мужичку, или сами слова, которые я, конечно же, постаралась высказать погромче, но дожидаться окончания разговора он не стал – бочком-бочком покинул поле боя и скрылся вдали, только я его и видела.

– Василица! – этим именем Севка называет меня, только когда злится. – Опять ты из себя мужика строишь!

– Если бы ты слышал, кем меня сейчас назвали, Севочка, ты бы свои слова взял обратно.

– Кем?!

– Я же обещала больше не материться...

– Так, заказываю билет!

– Севка, ну что ты, шуток не понимаешь? – рассмеялась я. – Расслабься! Никому я тут не нужна. Слушай, я тебя попросить хотела...

– Спрашивай, Алиска...

– Ты можешь найти мне сведения об одном человеке, местном жителе...

– Та-а-ак... – Севкин голос понизился.

– Не такой! Ну что сразу за подозрения, а?

– Что за человек?

– Он в Арбузове шишка, похоже. Местный авторитет.

– Только криминала нам не хватало!

– Да какой криминал, Сева! Не дослушал, а сразу выводы делаешь. Господин Милостивый – предприниматель. Владелец заводов, фабрик и пароходов...

– Заводов, газет, пароходов! – поправил меня образованный Сева. – Зачем он тебе сдался? Какое отношение он имеет к нашим делам?

– К нашим – никакого. А вот к моим – очень даже может быть!

На той стороне провода воцарилось долгое молчание.

– Милостивый, значит... – ровным голосом произнёс, наконец, Севка.

– Да. Инициалы А.С., но тут, наверное, один такой, не спутаешь...

– Как быстро тебе нужна информация?

– Было бы чудесно, если бы сегодня...

– Я постараюсь.

Когда Севка так говорил, это значило, что он в лепёшку расшибётся, а сделает.

– Спасибо тебе, друг!

– Пожалуйста, – скисшим голосом произнёс он. – Обращайся, ежели что...

– Ладно, Севочка, не трать деньги, всё-таки межгород. Я с тобой потом из гостиницы свяжусь, ага?

– Митьке привет передавай!

– Какому Митьке?

– Бабочкину, балда!

– А, точно! – я рассмеялась. – Прямо сейчас ему наберу. Вот с тобой попрощаюсь и наберу.

Честное слово!

– Ладно, Алиска, – он смягчился. – Береги там себя, хорошо?

– Договорились.

Я ещё какое-то время посидела около бронзовой девушки, болтая ногами. Настроение отчего-то улучшилось. Из-за Севки, наверное. Или потому, что после побега мерзкого мужика аура набережной очистилась, дышать и думать стало легче. Вот и первые арбузовцы показались, заспешили навстречу новому дню. Хорошо!

– Интересно всё-таки, какая между нами связь... – я задумчиво взглянула в лицо соседки. – А ведь ты наверняка знаешь. Но не скажешь, да?

Убедившись, что никто из прохожих не обращает на меня внимания – привыкли, небось, к любопытствующим туристам, – я осторожно провела ладонью по плечу девушки, по руке. Странно, но холода, который ожидала встретить от бронзы, я не ощутила. Даже как будто какое-то тепло...

– Знаешь, а я тебе немножко завидую... Вот человек как живёт? Торопится, куда-то бежит, ищет что-то всё время. То к одному берегу его прибывает, то к другому. А ты... сидишь себе тут спокойно, как будто уже всё нашла. Смысл нашла, понимаешь? Нет, ничего ты не понимаешь...

Я вздохнула и потянулась к телефону. Разговоры разговорами, а работу за меня никто не сделает...

Гудки длились долго, как будто человек на том конце провода не слышал или не хотел брать трубку.

– Да! – наконец, отрывисто произнёс мужской голос.

– Дмитрий Бабочкин?

– Он самый.

– Меня зовут Василиса Яхонтова, и я хочу вас по...

– А я нет! – отрубил мужчина и бросил трубку.

– Ой, – оторопев, сказала я и посмотрела на соседку. – Чего это он? Может быть, я его разбудила, как думаешь?

Мы с ней дружно помолчали с минуту, затем я опять решительно набрала номер. Всё равно ведь уже разбудила человека.

– Дмитрий, вы меня неправильно поняли! – быстро выпалила я, услышав голос Бабочкина.

– Как вы мне надоели! – зло загрохотал тот. – Мне что, в милицию обращаться? Не звоните мне больше никогда!

И он опять отключился, а я озадаченно прикусила губу. Что происходит? Ладно, если бы я не представилась и он спутал мой голос с какой-нибудь назойливой поклонницей, но я-то сразу назвалась! И что теперь делать, спрашивается? Преодолеть столько километров ради человека, который теперь слова не даёт вымолвить... Бред какой-то. Главное, Севку-то я тоже не могу попросить связаться с этим странным Бабочкиным, иначе точно нам его не видать, как своих ушей.

В растерянности я присидела на парапете, раздумывая, как теперь поступить. Адреса у меня его нет, по телефону не доступен... Да, засада...

Телефон завибрировал, я обрадовалась. Но это оказался опять Сева.

– Алиска, записывай быстро, у меня времени нет. Милостивый Александр Сергеевич, президент холдинга «Мой дом», сорок шесть лет, женат, двое детей. Номер телефона приёмной сброшу тебе эсмэской.

– Спасибо, Севка! Знаешь, а твой...

– Всё, отбой.

Новость о своём бывшем однокурснике Севке услышать не удалось. Ну и ладно, всё равно бы он мне сейчас не смог помочь. Потом разберусь. А сейчас – я посмотрела на часики – позавтракаю и в путь. Александр Сергеевич, значит? Вдохновляющее сочетание!

Завтрак в заведении «Мечта» оказался выше всяких похвал. Как я вчера прошла мимо этого кафе? И название его – действительно, мечта для проголодавшейся странницы, – и внутреннее убранство, и сама кухня весьма порадовали меня и зарядили хорошим настроением. Теперь питаться буду только здесь, а перед отъездом надо будет зайти к владельцу этого заведения господину Гройсу⁹, выразить своё восхищение.

Единственное огорчение, произошедшее со мной в кафе, оказалось никак не связанным с этим местом. Попытка договориться о встрече с Милостивым потерпела неудачу. В ближайшие дни, как важно уведомили меня по телефону приёмной, к Александру Сергеевичу попасть невозможно, все встречи расписаны на месяц вперёд. Но я не могу столько времени ждать! Значит, ищем другие варианты...

Давненько я не украшала своё лицо так тщательно! С одеждой тоже дело обстояло неплохо, я всегда беру с собой в командировки парочку нарядных платьев – для особых слу-чаев. Так что когда крутящиеся стеклянные двери, оставшись за моей спиной, открыли моему взору просторный сверкающий холл, я чувствовала себя неотразимой. Я, конечно, достаточно уверенный в себе человек, но если ещё эта уверенность подкрепляется безукоризненным внешним видом, то тут уж сложно меня остановить. Охранник, который скучал у пропускного устройства, тоже это просёк. Хотя сопротивляться моим чарам попытался.

– Здравствуйте, вы к кому? – он отлепился от стены, загораживая мне путь.

– К Саше... – я лучезарно улыбнулась. – Простите, к Александру Сергеевичу, вашему шефу.

– А... Э-э-э... Вам назначено?

Я окинула охранника таким взглядом, что следующие слова застряли у него в горле. Единственное, на что у него хватило смелости, это пробормотать извинения, и, быстро откинув огораживающую рамку, он открыл мне проход. Я не заставила себя долго ждать.

– Куда? – я слегка коснулась пальцами плеча охранника, проходя мимо него.

– Второй этаж, направо, двести пятый кабинет, – скороговоркой произнёс тот.

– Прекрасно! До встречи, мистер Адонин!

– Д-до встречи... Лифт справа!

Весь путь, что вёл меня к двери лифта, мне чувствовался настойчивый взгляд в спину. Слава богу, что подъёмное устройство уже ждало меня на первом этаже. Выдохнуть я смогла, лишь когда двери его бесшумно закрылись за мной.

– Ну вот, а ты боялась! – весело подмигнула я своему отражению, взглянув в огромное, от пола до потолка, зеркало лифта. – Смелость города берёт!

Из кабинки я выходила ещё более уверенная в себе, хотя некоторый тремор внутри ощущала. Удастся ли мне так же легко справиться с секретаршей?

⁹ История Гройса описана в повести «Начинай со своего дома» (прим. автора).

Приёмная господина директора встретила меня молчанием, но не пустотой. Вдоль стены с обеих сторон длинного помещения сидели люди – видимо, тоже страждущие прикоснуться к Его величеству. Моё эффектное появление несколько оживило обстановку, а секретарша, высокая холёная блондинка, даже привстала мне навстречу.

Я свой шаг не замедлила.

– У себя? – холодно кивнула я девушке.

– Да, но...

– Прекрасно!

Уже распахнув широко дверь, ведущую в кабинет директора, я услышала вдогонку испуганное:

– У него совещание...

Впрочем, это обстоятельство уже не смогло бы меня остановить, слишком далеко я зашла. Во всех смыслах.

Дверь за мной захлопнулась с грохотом, и все, кто сидел по бокам нескончаемо длинного стола, стоящего в середине просторного помещения, повернули ко мне головы. Ни одной женщины среди солидно одетых людей, которые рассматривали меня сейчас с изумлённым интересом, я не заметила. В самом дальнем конце стола высился мужчина средних лет с бородкой и синими глазами, который, подняв брови, смотрел на меня. В воздухе ещё летали оборванные звуки его слов.

– Простите за вторжение, господа, – я постаралась, чтобы мой голос не дрожал от волнения, – но у меня срочное дело, не терпящее отлагательств. Александр Сергеевич?

Я смотрела на главу стола, он несколько секунд глядел на меня, причём – я видела это очень хорошо – лицо его принимало всё более озадаченное выражение. Такое ощущение, что человек силится вспомнить, где он мог раньше меня лицезреть.

– Простите, – с лёгким недоумением выговорил он. – А вы...

– Василиса Микулишна Яхонтова, из Москвы!

Сочетание моих имени-отчества обычно действует на людей гипнотически, спасибо весёлым работникам детского дома, на чей порог много лет назад подкинули моего батюшку. И самому папе, конечно, тоже.

По кабинету пронёсся легкий гул.

Бородач нахмурился.

– Я не совсем понимаю...

– А я вам сейчас объясню! – пропела я, направляясь в его сторону.

Лица сидящих поочерёдно поворачивались вслед моему движению, кто-то даже присвистнул. Надеюсь, от восхищения. Платье, которое сегодня было на мне, однажды произвело фурор – правда, в других обстоятельствах и в другой компании.

К чести директора должна заметить, что моё приближение заставило его выйти из-за стола, и я сочла это хорошим знаком.

– Мне кажется, я вас знаю, только не помню, откуда... – он разглядывал меня, хмурясь ещё сильнее. – Обычно у меня прекрасная память на лица...

– Не то слово... – услышала я приглушённый шёпот рядом и улыбнулась.

По столу опять пронёсся гул – собравшиеся, видимо, подтверждали твёрдость шефской памяти.

– Даю честное слово: я никогда раньше не бывала в вашем прекрасном городе! – радостно воскликнула я. – Кстати, именно это обстоятельство и привело меня сегодня к вам, Александр Сергеевич!

– Вот как? – он склонил голову набок. – Хотите, чтобы я провёл вам экскурсию по Арбузову?

– У вас удивительное чувство юмора, Александр Сергеевич! – рассмеялась я, вложив в свой смех максимум обаяния. – И я – в других условиях, конечно, – была бы весьма польщена вашим предложением, но увы, то, о чём я хотела у вас спросить...

– Я вспомнил! – вдруг перебил меня Милостивый. – Как я мог сразу вас не узнать!

– Серьёзно? – на этот раз пришлось удивиться мне. Неужели наше сходство со статуей так бросается в глаза?

– Серьёзней не бывает! – по его лицу пробежала тень. – Презентация коллекции Кларенс, пятнадцать лет назад, Москва, октябрь...

– Кларенс? – пробормотала я, вспыхнув. – Боже, какая же я тупица...

Развернувшись, я, провожаемая ещё более удивлёнными взглядами присутствующих, почти бегом направилась к двери. Но смыться мне не удалось – господин Милостивый оказался проворнее гостыи.

– Мне кажется, нам надо поговорить, Василиса Микулишна! – твёрдо заявил он, крепко прихватив меня у самой двери за локоть.

– Вы знаете, я совсем забыла, что тороплюсь...

– Прекрасно вас понимаю! – Он повернулся к остальным. – Господа, прошу меня извинить, срочные дела. Давайте перенесём наше собрание на завтра, часиков, скажем, на девять.

Я молча наблюдала, как гуськом, один за другим, солидные мужчины покидали кабинет директора, с жадным любопытством поглядывая в мою сторону. Они даже предположить не могли, как я им в эту минуту завидовала!

Когда закрылась дверь за последним из них, я уже, подчинённая властной силе Милостивого, сидела в роскошном кресле, а сам хозяин кабинета, сложив руки на груди, нервно вышагивал перед моими глазами.

Я молчала, кляня про себя бронзовую девушку и собственное любопытство.

– Значит, Василиса... – бородач, наконец, уgomонился и опустился в кресло напротив меня.

– Значит, Василиса, – согласилась я.

– А раньше у тебя другое имя было...

– Разве мы перешли на «ты»? – я подняла брови, всё ещё пытаюсь сохранить самообладание.

– Давно. Пятнадцать лет назад.

– Много воды утекло с тех пор, – пожалала я плечами. – Кстати, вам очень идёт бородачка. Просто другой человек.

– Только не говори, что ты меня не узнала!

– Скажу. Хотя вы, кажется, в этом сомневаетесь.

Он помолчал, не сводя с меня пристального взгляда.

– Чай, кофе? Когда-то ты пила только чай... без сахара.

– А ещё на память жалуется! – усмехнулась я. – Кофе и покрепче. Две ложки сахара.

Он сорвался с места и, в два шага пробежав кабинет, распахнул дверь. С той стороны двери послышался женский писк. Любопытство – не порок.

– Светлана, две чашки кофе с сахаром и сообрази на свой вкус ещё чего-нибудь.

Когда блондинка, исходя любопытством, вплыла с подносом в кабинет, мы с Милостивым спокойно сидели друг напротив друга и молчали.

– Ваш кофе, Александр Сергеевич! – проворковала Светлана. – Вот тут печенье, бутерброды, сыр... Ещё что-нибудь нужно?

– Дорогая, нам ещё что-нибудь нужно? – с лёгкой усмешкой обратился ко мне хозяин.

– На твоё усмотрение, дорогой! – в тон ему ответила я.

У Светланы чуть поднос из рук не выпал.

– Тогда всё. Светочка, будьте добры, проинформируйте всех, кто там сидит, что на сегодня приём окончен. Все вопросы завтра.

– Как же так, Александр Сер...

– Завтра! – отрезал Милостивый таким тоном, что Света вздрогнула и попятилась назад. – И пожалуйста, прикройте за собой дверь как можно плотнее. Кстати, вы тоже можете быть свободной.

– Я? В каком... смысле, Александр Сергеевич? – пролепетала секретарша.

– Идите домой, Света! – махнул рукой директор.

– Х-хорошо, Александр Сергеевич...

Её походка обратно уже не была столь тверда. Выходя, она бросила быстрый взгляд на меня и вздохнула. Милостивый мне весело подмигнул.

– Завтра вся твоя корпорация будет знать, что у шефа шуры-муры с какой-то заезжей гастролёршей.

– Ты плохо думаешь о моей корпорации, дорогая! Это случится уже сегодня. Минут через пять, думаю, – рассмеялся Милостивый.

– Тебя это не пугает?

– Нисколько.

– А если слухи дойдут до супруги?

Его лицо совершенно не изменило своего насмешливого выражения.

– Тем лучше. Быстрее получу развод.

– Вот как... – Я помолчала. – В роли орудия с дальним прицелом мне ещё не приходилось бывать...

– Ты себя недооцениваешь, дорогая! – он отхлебнул из чашки. – Кофе, кстати, изумительно, рекомендую. В этом деле Светлана – незаменимый работник.

– А в каком заменимый? – усмехнулась я.

– А ты ничуть не изменилась, Василиса... – Сделав ещё один глоток, он откинулся на спинку кресла, с удовольствием рассматривая меня снизу доверху. – Так же остра на язычок, а уж про внешность и говорить нечего – высший класс!

– Это не моя заслуга, – я пожалала плечами и тоже приложила к чашке. – Действительно, неплохо. Хотя у господина Гройса изысканнее...

– Ну, ты сравнила! – он хмыкнул. – А что, мы уже и с Давидом Ароновичем подружились?

– Давид Аронович – это Гройс? – уточнила я. – Нет пока...

– Но в планах имеется... – Милостивый кивнул задумчиво. – Ага, понял. Но имей в виду, у папаши Гройса жена – грузинка...

– Александр Сергеевич, мне кажется, вы переходите границы! – холодно произнесла я, сузив глаза. – Или вам захотелось повторения прошлого опыта? Так меня не надо просить дважды...

– Стерва ты, Василиса! – он невольно потёр свою правую щёку. – Ох, и стерва!

– Вы так называете каждую женщину, которая посмела отказать вам в ваших притязаниях? – я резко встала. – Мне надоело это слушать, в конце концов. Счастливо оставаться.

– Постой!

Тоже подскочив, Милостивый схватил меня за руку, которую я попыталась вырвать, моментально сатанея от злости. Секунду спустя ещё один за эти пятнадцать лет звон от пощёчины разорвал бы воздух, но хозяину кабинета удалось отшатнуться, и моя ладонь просвистела мимо его щеки. На этот раз левой.

– Прекрати! – он тяжело дышал. – Никто тебя тут не трогает!

– О, значит это не то, что я подумала? – ядовито выплюнула я, продолжая вырываться.

Он, наконец, отпустил руки и сделал шаг назад.

– Вот видишь, я не собирался тебя обижать!

– Да что ты! – я потёрла запястье, которое жгло огнём. – А как это называется, господин Милостивый? Милость власти и силы?

– Давай присядем и спокойно поговорим, хорошо?

– Какой в этом смысл?

– Ну... – он улыбнулся, – в твоём приходе ко мне ведь был какой-то смысл?

Я молчала несколько секунд, затем нехотя опустила обратно в кресло.

– Хорошо. Давай поговорим. Но только обсуждать мы будем дела настоящего дня, а не события минувшего.

– А это как пойдёт! – хмыкнул он, но в ответ на мой ледяной взгляд поднял руки. – Хорошо, хорошо, как скажешь!

– Вот и чудесно.

Я потянулась к печенье, он придвинул мне поближе вазочку.

– Благодарю.

– И всё-таки ты изменилась, Василиса, – задумчиво глядя на меня, протянул он. – Из... гм... прямолинейной простушки родилась великосветская дама, завораживающая шармом и обаянием.

– Ты всегда был мастером комплиментов... – Я отпила кофе и слегка поморщилась. – Остыл уже.

– Это дело поправимо! – оживился Милостивый. – Тут недалеко есть одно заведение...

– Нет, – отрезала я. – Не за тем я сюда пришла, Александр Сергеевич.

– А вот упрямство тебе не изменило за эти годы, – сник он. – Ладно, рассказывай, чего тебе от меня надобно.

– Мне нужен автор скульптуры «Уставшая путница», – без обиняков произнесла я.

Хозяин кабинета чуть кофе не поперхнулся.

– Кто тебе нужен?!

– Скульптор, который создал эту вашу бронзовую девушку! – отчеканила я. – Я непонятно объясняю? На набережной реки Арбузовка, с одной стороны моста есть статуя сидящей девушки, которая...

– Да знаю я, знаю! – поморщился он. – Я не понял только, зачем тебе скульптор понадобился?

– Но ты его знаешь?

– Естественно! Я, если тебе известно, некоторое участие в создании этого монумента принимал!

– Потому и пришла, Александр Сергеевич. Ты можешь меня с ним познакомить?

– Сначала ты объяснишь причину своего интереса, а потом... Что это?

Предполагая такой ответ, я уже подготовилась – быстро пролистав фотографии в своём телефоне, я открыла нужную и протянула мобильник Милостивому.

– Ну и? Что нового я должен тут увидеть? – он перевёл взгляд со снимка на меня. – Хотя постой-ка...

Я следила, как менялось выражение его лица, когда он с придиричивой внимательностью взглядывался в фотографию. Удивление, оторопь, недоверие...

– Это совпадение, – наконец, выдохнул он.

– Надеюсь, – мрачно сказала я. – Это я и хочу услышать от твоего скульптора!

– Обещаю, именно это и услышишь! – он бросил взгляд на часы. – Если мы с тобой поторопимся, то уже сегодня обо всём узнаем. Думаю, немного времени у нас ещё есть.

– А что, по вечерам господина художника отвлекать нельзя? Или он уезжает куда-то?

– Нельзя и уезжает... – туманно объяснил Милостивый, поднимаясь. – Идём.

Глава 5

Лачуга – а другого слова к этой жалкой хижине подобрать просто невозможно – поразила меня полным несоответствием с образом того дома, который должен принадлежать настоящему художнику и который я в своих фантазиях нарисовала, направляясь сюда. Невысокий покосившийся деревянный домик, который, казалось, чуть тронь – и он рухнет прямо тебе под ноги. В нём не то что жить, но и просто находиться опасно.

– Ты уверен, что не перепутал адрес? – спросила я у Милостивого, не отводя удивлённого взгляда от постройки.

– Уверен, – с сомнением протянул тот. – Этот район я очень хорошо знаю, неподалёку отсюда родился... Адрес-то тот, но вот что скульптор может жить в таких условиях, я не думал...

– Я вообще удивлена, что этот дом ещё не рухнул, ему же лет триста, не меньше! – я с возмущением посмотрела на своего спутника.

– А я-то тут при чём! Ты так говоришь, как будто я мэр или глава жилищного товарищества!

– Так ты же у нас меценат, а не мэр!

– Ну, не знал я, не знал, честное слово!

– Не знал он...

Ворча, я вылезла из автомобиля, не дождавшись, когда мне подадут руку. Вблизи домик выглядел ещё более жалким и каким-то ненужным, лишним. Рядом стоящие дома, старинные особняки, кои в Арбузове встречаются на каждом шагу, тоже, казалось, не радовались такому соседству.

От парадного крыльца остались лишь две ступеньки, изъеденные временем, а козырёк накренился так, что даже приближаться к нему было боязно.

– Надеюсь, не рухнет? – пробормотал Милостивый, подойдя к двери и опасливо посматривая вверх.

На его нерешительный стук никто не откликнулся, дом по-прежнему был тих и бесприютен.

– Никого нет дома? – предположила я. – Ты говорил, что он уехать собирался...

– Я вовсе так не говорил!

Мой спутник громче забарабанил по двери и даже присовокупил к кулаку удары ботинка.

– Как не говорил? – удивилась я. – Ты же сказал, что ему куда-то...

Мои слова были прерваны громким кашлем, который донёсся с той стороны двери.

– Ну, кто ещё там? – к кашлю присоединился густой бас.

– Антон Иванович, откройте, это Александр Сергеевич Милостивый!

В замке что-то заскрежетало, заскрипело, и спустя несколько секунд дверь слегка приоткрылась. В доме было темно, поэтому в узкую щель мне удалось увидеть только блеск чьих-то глаз и длинный хрящеватый нос.

– Милостивый? – хрипло повторил хозяин дома, опять кашляя. Болеет он, что ли?

Я немного сдала назад.

– Он самый! – Александр улыбнулся.

– А чего случилось?

– Нам поговорить надо, Антон Иванович! Впустите?

– Поговорить? – обладатель длинного носа не торопился радоваться гостям. – О чём?

– О ваших работах!

– О каких ещё работах?

– О скульптуре сидящей девушки! – не выдержала я. – На набережной. Ваша ведь работа?

– А это ещё кто? – нос повернулся в мою сторону. – Ты кто?

– Не узнаёте? – нагло ответила я на грубый тон.

– Василиса, с ним так нельзя! – тихо прошипел Александр, дёргая меня за руку.

– Со мной тоже так нельзя! – взвилась я. – Послушайте, Антон Иванович, вы же культурный человек, а позволяете себе...

Я собиралась произнести разгромную речь, но дверь внезапно открылась настежь, и моему взору в полный рост предстал хозяин дома, невысокий лысый мужичонка лет шестидесяти пяти с жидкой бородкой и трясущимися красными губами. Его глаза, спрятанные под клочковатыми бровями, жадно ошупывали моё лицо. Я почувствовала даже какое-то физическое неудобство от этого внимания, как будто не взглядом меня касались, а ледяными пальцами.

– Как тебя зовут? – спросил он, не ослабляя хватки.

– Василиса, вы же слышали!

– Откуда ты тут взялась? – продолжал допрос странный человек.

– Из Москвы!

– Вот и проваливай обратно!

Ошалев от такого хамства, я растерялась и даже не успела ничего ответить, когда дверь, подчинённая решительному движению старика, стала закрываться. Не успела я – но Александр оказался сноровистее. Чёрный лакированный нос ботинка в последнюю секунду был втиснут между полотном двери и её коробкой.

– Антон Ива-анович! – укоризненно протянул Милостивый, качая головой. – Ну что за детский сад, а? Мы к тебе с добрыми намерениями, гостинцы вот принесли, а ты!

Он поднял вверх пакет, который всё это время держал в руке, и оттуда раздался весьма недвусмысленный звон чего-то стеклянного. Вредный старикашка потянул носом.

А я ещё сопротивлялась, когда Александр предложил купить в супермаркете эту гадость!

– Что у тебя там?

– Много чего, – улыбнулся Милостивый. – Ну что,пустишь нас?

Старик явно колебался, переводя взгляд с меня на пакет. Затем громко вздохнул.

– Ладно, входите.

Убранство комнаты, в которую нас завели, поразило и даже смутило меня. Внутреннее содержимое дома никак не соответствовало его фасаду! Я ожидала увидеть разруху и запустение, а моему взгляду предстало умиротворение и покой. Старинная мебель тёмного дерева, кресло-качалка явно не из «Икеи», напольные часы с маятником, приглушённо отбивающие секунды вечности, многочисленные живописные полотна на стенах – моя Глафира, думаю, хлопала бы в ладоши от восхищения, будь она сейчас со мной рядом. Но её не было, и я сама водила по сторонам глазами, прицокивая от восторга. Единственный диссонанс был замечен мной в этом уютном пространстве – ряд пустых бутылок, стыдливо прячущихся в тёмном уголке за буфетом.

Пока мы с Милостивым крутили головами, удивлённо переглядываясь, хозяин суетился: накрыл скатертью круглый стол, расставил стаканы, чайные чашки, аккуратно разложил принесённое нами добро по мискам, а в центр торжественно установил бутылку с виски.

– Прошу к столу!

Сейчас лицо старика совсем не напоминало выражением прежнее, оно светилось радостью и жадным предвкушением удовольствия.

Мы с Александром послушно усадились на стулья с высокими спинками.

– Антон Иванович... – начала было я.

– Потом! – меня остановили властным движением руки. – Сначала за здоровычко!

Я притихла на время, наблюдая, как старик по-хозяйски разливает прозрачную жидкость по стаканам.

– Будьте здоровы!

Через секунду его стакан оказался пустым, и старик, крикнув, уселся на своё место. Я пить не стала, лишь пригубила.

– А ты чего? – взгляд хозяина обратился к Милостивому.

– За рулём, – вздохнул тот.

– Ты же, вроде, с шофёром обычно?

– А сегодня, Антон Иваныч, не обычный день...

– Вона как... – протянул скульптор, обдав меня туманным взглядом. – Ну-ну...

Продолжать он не стал, а накинулся на еду с таким сосредоточенным видом, как будто голодал неделю.

Александр посмотрел на меня, я пожала плечами.

За первой рюмкой последовала вторая, потом третья. Щёки хозяина порозовели, настроение заметно улучшилось. Я поняла, что настал подходящий момент.

– Антон Иванович...

– Ну... – он благодушно откинулся на спинку стула и посмотрел на меня.

– Скульптура уставшей путницы на набережной – ваша работа?

– Моя... – после секундной паузы произнёс он и прикрыл глаза. – Моя.

– Скажите, а у девушки был реальный прототип?

– Прототип? Какой ещё прототип? – скульптор открыл один глаз.

– Ну, живая модель, с которой вы лепили бронзовую...

– Зачем живая? – вздрогнул он. – Я всё из головы беру. Вот отсюда...

Его пятерня прошла по собственной лысине.

– Это правда?

– А чего мне врать? – он лихо опрокинул в себя ещё один стакан виски. – Скажи, Сергеевич. Мне врать резона нет.

Милостивый хмыкнул неопределённо.

– Тогда как вы объясните сходство, уважаемый Антон Иванович?

– Какое ещё сходство? – сморщился старик.

– Вашей девушки со мной!

– С тобо-ой? – ненатурально удивился хозяин и съехал глазами на Милостивого. – Что за чушь?

– Действительно похожа, – Александр развёл руками. – Просто одно лицо, Антон Иванович. Как же так могло получиться?

– Откуда я знаю, что там у вас получилось! – голос старика дал петуха. – А только я тут ни при чём! Первый раз тебя вижу, Варвара!

– Василиса! – поправила я. – А кто же тогда при чём?

– Откудова я знаю? Совпадение. Слыхала, двойники в мире есть, люди с одинаковыми физиономиями. Вот и тут... совпадение. Шутка природы!

– Шутка, говорите... – я подняла голову, устремив задумчивый взгляд на графические зарисовки, которые висели на стене прямо передо мной. – А это тоже шутка?

– Ты о чём? – дедок замер.

– Да вот, рисунок... Я так полагаю, эскиз к скульптуре девушки?

– Где? – он нехотя обернулся. – А, этот. Ну, правильно. Сначала в моей голове родился образ, я его на бумаге изобразил, а потом...

– А мне кажется, это рисунок с природы!

– Когда кажется, креститься нужно! – старик встал, резко отодвигая стул. По-моему, он жутко испугался и свой испуг теперь прикрывал грубостью. – Значит, так, гости дорогие! Погостили – пора и честь знать! Работы невпроворот, некогда мне тут с вами лясы точить!

– Антон Иванович! – воскликнули мы с Милостивым в один голос.

– Пятьдесят пять лет уже Антон Иванович! Всё, сказал, довольно. Ничего я про ваших девушек не знаю, а более меня беспокоить и не надо!

Вредный старик, оказавшийся вовсе не таким уж старым, решительным жестом указал на дверь. Проваливайте, мол, подобра-поздорову.

Милостивый пытался сопротивляться, но я молча взяла его под руку и потянула к выходу. Знала я такой тип людей, как наш милый хозяин, по доброй воле правду ни за что не скажут, особенно если эта правда для них неудобна. То, что скульптор лукавит, видно невооружённым взглядом. Остаётся два вопроса: в чём, собственно, суть тайны и зачем её надо от нас скрывать?

Спустившись с крыльца и услышав за собой хлопок закрывшейся двери, мы с Милостивым направились к машине, но на полдороге, убедившись, что наши фигуры из дома уже не видны, я потащила своего спутника в другую сторону.

– Ты чего?

– Хочу проверить кое-что.

– Что? – Александр заартачился, затормозив на месте.

– Времени нет объяснять! – С этими словами я нырнула в заросли кустов, которые росли с правой стороны от домика скульптора, впритык к забору.

– Ты куда, заполошная?

Несколько секунд спустя я услышала за собой треск веток, затем громкое чертыханье. Это вам не в тихом кабинете сидеть, господин заводчик!

– Ты можешь объяснить, что происходит?

– Чш-ш-ш!

Стараясь не производить шума, я пролезла в замеченную ранее из дома дыру, которая зияла в штакетнике забора, и на согнутых ногах метнулась к хибаре. Озадаченное лицо Александра белело с другой стороны лаза.

– Уйди! – махнула я ему рукой, присела на корточки под окном и прислушалась.

В комнате, которую мы покинули несколько минут назад, плавала тишина. Александр покрутил пальцем около виска, я показала ему язык.

– Хулиганка! – беззвучно прошептал он и сделал попытку пролезть в дыру.

Успешной оказалась только пятая по счёту. Под моё еле сдерживаемое нервное хихиканье господин Милостивый, неловко пригибаясь, пробежал узкий дворик и бухнулся рядом со мной у стены.

– Чш-ш-ш! – прошипела я, поднося палец к губам.

– Авантюристка!

Он, наконец, притих и прислушался, вытянув шею в сторону окна. В доме по-прежнему было тихо – то ли хозяин заснул, то ли покинул своё жилище. И тот, и другой вариант меня устраивали.

В полном молчании мы просидели ещё минут десять. Хорошо, что разросшаяся растительность скрывала нас от взглядов соседей, иначе у них могли бы возникнуть вопросы к непрошеным гостям. Особенно, полагаю, к владельцу заводов, газет и пароходов...

– И долго мы так будем... – наконец, не выдержал он.

Вместо ответа я осторожно привстала и, прикинувшись ветошью, заглянула в окно. Комната порадовала меня отсутствием хозяина, о чём я и сообщила своему спутнику.

– Ну и что?

– А то! – я внимательно осмотрела разохшиеся оконные рамы. Их состояние меня удовлетворило. – Мне нужен тот рисунок!

– Ты белены объелась?

– Белены объелся твой земляк, когда решил, что сможет меня обмануть!

– Нет, ты точно ненормальная! – Милостивый даже привстал, с ужасом следя за моими действиями. – Ты знаешь, как это называется? Проникновение в чужую собственность со взломом. Пять лет строгача – если повезёт, конечно. Нет, я в такие игры не играю!

– Тогда проваливай, пока не замели как соучастника!

Я продолжала потихоньку дёргать раму, предварительно вставив между её нижним основанием и подоконником пилочку для ногтей.

– Не играю и тебе не позволю заигрываться!

Он схватил меня за руку, тем самым только ускорив процесс – рама внезапно со стуком распахнулась, и в этот же момент откуда-то из глубины дома послышалось знакомое покашливание.

Мы молниеносно прижались к земле, стараясь не дышать. Я получила болезненный тычок в бок и поклялась отомстить, лишь только всё закончится.

Кашель становился всё громче, но теперь он подкреплялся шарканьем ног и недовольным бормотанием. Мы вжались в стену в ожидании справедливого возмездия.

Вот шаги затихли; человек, отделяемый от нас только ветхой стеной, остановился и зашуршал чем-то. Засёк, наверняка засёк!

Щёки Милостивого побелели, а на лбу выступила капелька пота.

Ещё одно покашливание – теперь уже прямо над нашими головами – и какой-то тренькающий звук, напоминающий звон колокольчика. Я зажмурилась.

– Да! – громко сказал скульптор, и я, вздрогнув, судорожно ухватилась за рукав Александра. – Я так и знал! Я так и знал, что это когда-нибудь случится! Что? Что ты говоришь?

Я прижала ладонь к губам, сдерживая возглас. Александр выдавил из себя мученическую улыбку.

– Я совершенно спокоен! – между тем ещё громче продолжал скульптор. – А когда ты узнаешь, что случилось, то и ты... успокоишься. Да! Только что я видел её! Кого её? А ты не понимаешь? Её, Сашкину девицу!

Мы с Александром переглянулись. Я поморгала непонимающе, он радостно осклабился.

– Живую, а то какую! Нет, я как стёклышко. А я тебе говорю, не пил со вчерашнего дня!

– Врёт! – одними губами прошептал Милостивый.

Фраза о наличии во мне жизни почему-то совсем мне не понравилась.

– Что я сделал? А что я должен был сделать? Выгнал её взашей. Почему, почему! – скульптор явно разозлился. – Потому что испугался, ёшкин хрен! А ты бы на моём месте в ножки ей поклонился?

Оглушающий хлопок оконной створки заставил нас с Александром вздрогнуть и ещё сильнее вдавиться в стену. Но ничего страшного не случилось – просто старик неожиданно закрыл окно, и сразу же его голос стал почти неслышен. Только какое-то неразборчивое бормотание.

– Чёрт! – досадливо прошептала я. – На самом интересном месте!

– Да-а-а, исто-о-ория... – протянул Милостивый.

И как мы потом ни напрягали слух, продолжение разговора услышать не удалось. Вскоре голос старика и вовсе пропал, сменившись звоном чего-то стеклянного.

– Приканчивает остатки, – выдохнул Александр.

– Так его за ногу! – мрачно произнесла я. – Может, выпьет и заснёт?

– Я бы на это не рассчитывал.

– Гад какой, ну какой же гад! – я стукнула кулаком по стене.

– Сдурела?

Он схватил меня за руку и, недолго думая, потащил обратно к забору.

– А рисунок? – попыталась я сопротивляться, но силы наши были неравны.

– У меня есть другая идея! – подбодрил меня Александр, подталкивая к лазу. При этом он бесцеремонно ущипнул меня за бок, на что я, не оборачиваясь, ответила кулаком. Попала во что-то мягкое.

– За что? – взвыл он весело, прихватил меня за талию, и мы дружно вывалились из кустов в переулок под треск рвущейся материи.

– Хулиган!

– От хулиганки слышу!

Посмеиваясь, он оглядел меня с головы до ног.

– Да-а-а, видок у тебя тот ещё! Привет с сеновала...

– Очень смешно!

Я стряхнула с волос листья, поправила платье, с досадой поболтала пальцем в дыре, образовавшейся в подоле. Придётся отдавать девочкам на реставрацию...

– Нашла из-за чего расстраиваться! Хочешь, я тебе тыщу таких подарю?

– Жене своей дари, трепло!

– Я трепло? – поразился Александр.

– А я, что ли, про свои похождения направо и налево болтаю? Значит, уже весь Арбузов в курсе нашей с тобой истории? Сашкина девица! – выплюнула я зло. – Это ж надо было, а!

– Да не рассказывал я никому! – возмутился он. – Как ты себе это представляешь? Ни один нормальный мужик не станет болтать о бабе, которая ему не дала, это ж подрыв авторитета!

– Откуда тогда твой Антон Иваныч знает?

– Загадка... Может, он что-то другое имел в виду?

– Что?

– Ну, – с сомнением протянул он, – я же говорил, что моя секретарша быстра на язык. Значит, наша сегодняшняя встреча уже стала достоянием общественности!

– С трудом верится.

– У тебя есть другие версии?

– Пока нет. Но будут! – уверенно заявила я. – Ладно, идём к машине, пока наша вылазка тоже не стала достоянием общественности. Смотри, кто-то уже на нас поглядывает...

Я кивнула в сторону соседнего дома, в одном из окон которого колыхалась занавесочка. За ней виднелось лицо пожилой женщины, явно с интересом наблюдающей за нашим разговором. Увидев обращённый на неё взгляд Милостивого, женщина улыбнулась и помахала ему рукой.

– Чёрт! – растянув губы в улыбке, сквозь зубы выговорил Александр. – Это же моя бухгалтерша! Я не знал, что она здесь живёт...

– Теперь знаешь, – хмыкнула я. – Значит, бухгалтерия тоже скоро попадёт в список общественности...

– Идём скорее! – он взял меня под руку и потащил к машине.

Я бросила прощальный взгляд на любопытную наблюдательницу – именно в этот момент та уже подносила мобильный телефон к уху. Сарафанное радио вышло в эфир...

Только спустя полчаса, разместившись в кафе где-то на окраине города, нам удалось спокойно поговорить – машину Милостивый вёл, стиснув зубы, а попадаться под горячую руку мне совсем не хотелось.

Паренёк, который нас обслуживал, не проявил повышенного интереса к нашим персонам, и это обстоятельство дало моему спутнику возможность немного расслабиться, а съеденный ростбиф в гранатовом соусе даже настроил его на поэтический лад.

– Как хорошо, что ты к нам приехала, Василиса! – он откинулся на спинку стула, удовлетворённо вздохнув.

– Не поверишь, вчера утром я думала то же самое, – пробормотала я, – пока не рассмотрела эту чёртову фотографию! Говори, что за идея тебе пришла в голову?

– Ах да, идея! – Его рука пошарила во внутреннем кармане пиджака. – Сейчас мы сделаем один звоночек...

Вскоре он набирал какие-то цифры, а я, перестав жевать, замерла.

– Пал Сергеевич? Да, это я, не ожидал? Нет-нет, никаких проблем, всего одна небольшая просьба. Ты можешь проверить один телефончик? Звонки, которые поступили на него сегодня после обеда – особенно меня интересует один звонок, примерно в пятнадцать тридцать. Нет, сам номер я не знаю, а вот имя человека, которому он принадлежит, мне известен. Получится? Ага, тогда записывай...

Ещё полчаса мы просидели с Александром, болтая о какой-то ерунде, ничего в тот момент для меня не значащей. Я даже заказала пирожное к кофе, чтобы хоть как-то подсластить беспокойные мысли.

– Мадлен...

– Не называй меня этим дурацким именем! – скривилась я.

– Когда-то оно совсем не казалось тебе дурацким! Я помню, какой важный у тебя был вид, когда ты представлялась. Ма-а-адле-ен... – он произнёс это слово с особенным выражением. – Помнишь, после показа, я увидел тебя за столиком и обомлел – красотка, которая только что порхала по подиуму и с которой я взгляда восхищённого не сводил, вдруг, как по мановению волшебной палочки, предстала передо мной, да ещё в одиночестве! Я в ту минуту решил, что сегодня у меня явно удачный день...

– Но уже через несколько часов, полагаю, ты думал иначе, – усмехнулась я. – Александр Сергеевич, давай сменим тему.

– Я тогда целое состояние на тебя потратил! – он будто не слышал меня, продолжая вспоминать. – Цацки покупал, в ложу Большого контрамарку достал, даже билеты на Парижский показ в зубах принёс, помнишь?

– Так ты о состоянии своём скорбишь, Милостивый? Я всегда знала, что ты меркантильный тип!

– Мне казалось, что ты уже готова была растаять... в моих объятьях, и что я получил в конце, какую благодарность?

– Мало я тебя приложила, Сергееч, – пожалала я плечами, – если ты до сих пор не понял, что любовь купить нельзя!

– Но самое обидное было в другом, Василиса. И этого мне точно никогда не забыть.

– Чего же? – равнодушно спросила я.

– Сломанной челюсти, вот чего!

– Челюсти? – не поняла я. – А при чём тут твоя челюсть? Или... – я не удержалась и хихикнула, – пощёчина была такой силы, что покалечила не только твоё самолюбие? Ну, прости, Алекс, я не хотела! Хотя ты сам виноват, если честно. Я ведь в тот момент так разозлилась, что...

– Да ты-то тут при чём, Мадлен! Этот твой дружок, Всеволод... – он схватился за щеку. – Я его не забыл, так ему и передай!

– Севка? – изумилась я. – А он тут каким боком?

– А то ты не понимаешь!

– Не понимаю. Честное слово, не понимаю, что ты так на меня смотришь?

Я стойко выдержала долгий взгляд Милостивого, не дрогнув и мышцей. Я в самом деле ничего не понимала.

– А я думал, он мне морду раскрасил по твоей указке, Мадлен...

– Н-нет... – я покачала головой. – Я ничего об этом не знаю. Он ничего не сказал. Ну, Севка, ну, партизан...

– Да-а-а... – протянул Александр. – Пятнадцать лет я живу с мыслью о том, что ты меня подставила, а оказывается...

О дальнейших размышлениях соседа мне узнать не удалось, потому что из его кармана прозвенел звонок, и он тут же схватил трубку.

– Слушаю тебя, Павел! Серьёзно? Ну ты красавчик! Ага, записываю...

Я подтолкнула к Александру салфетку, на которой он начал что-то писать. По мере того, как ручка продвигалась по белой поверхности, его брови приподнимались вверх.

Заканчивал разговор он со странной улыбкой на губах.

– Что он сказал? Удалось выяснить, кто звонил скульптору?

– Удалось... – хмыкнул Милостивый, подвигая ко мне листок. – На, читай.

– Пихи... Ну и почерк у тебя, господин директор. У тебя, случайно, врачей в роду не было? Что тут написано?

– Про врачей ты в самую точку попала. Читаю по буквам: п-с-и-х-и-а-т-р-и-ч-е-с-к-а-я б-о-ль-н-и-ц-а имени Корсакова. Наш милейший Антон Иванович созванивался именно с этим заведением.

– С человеком, находящимся в тот момент в стенах этого здания? – уточнила я.

– Сам телефон тоже там находится, Василиса. Это внутренний номер лечебницы.

– Внутренний...

– Внутренний, – кивнул Милостивый. – А значит...

– ...этот неизвестный – служащий больницы?

– Или её пациент, что тоже возможно.

– Псих, которому доверяют рабочий телефон? – усомнилась я.

– А ты думаешь, там только буйные лежат? – Александр усмехнулся. – Там вообще, знаешь, много всяких-разных...

– Например, алкоголики, – задумчиво протянула я. – Товарищи по играм нашего скульптора.

– В том числе. Хотя служащие больницы тоже не исключаются. Бывший доктор Антона Ивановича, например.

– Значит, он тоже там лежал?

– Врать не буду, не знаю. Это всего лишь моё предположение. Надо выяснять, Мадлен.

– Я не Мадлен! – привычно вскинулась я.

– Хорошо, – покладисто согласился Милостивый. – Василиса Микулична.

– Ты издеваешься?

– А что, это тоже ненастоящее имя?

– Настоящее, спасибо папочке и... Впрочем, неважно. Называй как хочешь, мне всё равно.

– А твой парень тебя как называет?

– От любопытства кошка сдохла!

– Вредная ты, лиса-Алиса! О, Алиской и буду тебя звать. Пойдёт?

– Как хочешь, сказала же! – сквозь зубы произнесла я. – Итак, что мы будем делать с больницей?

– Мы? – удивился Александр. – Я лично не собираюсь ничего делать.

– Но... – я слегка растерялась.

– Конечно, если только... – задумчиво протянул он, – получив кое-что взамен...

– Что?

Я проследила за направлением его взгляда и моментально всё поняла.

– Ничего другого я от тебя и не ожидала! – Громко хлопнув сумочкой, я вскочила. – Спасибо вам за всё, Александр Сергеевич. Надеюсь, счёт вы сами в состоянии оплатить? Адью!

– Стой! – он задержал меня за руку и тоже поднялся. – Какая ты нервная! Я пошутил! Ты что, шуток не понимаешь?

– Шутки я понимаю, а такое откровенное издевательство терпеть не намерена!

– Остынь, детка, никто над тобой не издевается. Садись. Ну, садись уже!

Я вернулась на место, досадуя на свою вспыльчивость, которая никак не пристала даме в моём возрасте и статусе. Когда уже ты повзрослеешь, Василиса?

– Может, ещё кофе?

– Нет.

– Нет, так нет, – он вздохнул. – Не заводись, Алиса, я ведь правда пошутил.

– Проехали.

– Послушай, а зачем ты сюда приехала? По делам или как?

– По делам. Договор хочу заключить... с одним человеком.

– Договор на что?

– На кое-какие услуги. Твоей области деятельности это не касается, не дёргайся.

– А я и не дёргаюсь, – он усмехнулся. – Какой ты мне конкурент, Василиса!

– Я и говорю, никакой. Так что у нас с больницей? У тебя есть какие-нибудь идеи? План, с чего начать поиски?

– Есть ли у вас план, мистер Фикс... – пробормотал Александр. – У меня всегда есть план. Горе не беда – выход есть всегда.

– Звучит обнадеживающе, – я улыбнулась.

– Улыбайся чаще, дорогая, действует просто безотказно! – он расслабился. – Итак, что мы имеем...

Пока закипал чайник, я сидела, уставившись невидящим взглядом в окно, и думала. Сегодняшний день настолько выбил меня из привычной колеи, что теперь необходимо было собрать все свои мысли и себя заодно в кучку.

Итак, что мы имеем, – как сказал мой новый партнёр по играм в жизнь.

Первое и главное, ради чего я сюда приехала, – господин Бабочкин¹⁰, бывший дружок Севки и нынешний гениальный фотограф, которого мечтает сманить к себе любое уважающее себя модельное агентство. И наше не исключение. Цель моя пока не достигнута, но это только потому, что никаких движений к её осуществлению я ещё не предпринимала, будучи вовлечённой в незапланированный процесс поисков.

Моя копия в виде бронзовой девицы и тайна, которой она окутана, – второй пункт программы. Тут непонятно пока всё, и самый главный вопрос: если предположить, что карандашный набросок и саму скульптуру делали с меня, то как я могла об этом забыть? Скульптор явно меня узнал, значит существует связь между мной и ним, и это, чёрт возьми, мне совсем не нравится! Не было в моей жизни провалов в памяти – по крайней мере, я об этом ничего не помню. Хотя, если таковые и имеются, то помнить о них, наверное, я и не должна? Уф-ф, совсем запуталась...

¹⁰ О приключениях Бабочкина можно узнать в повести «Начинай со своего дома» (прим. автора).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.